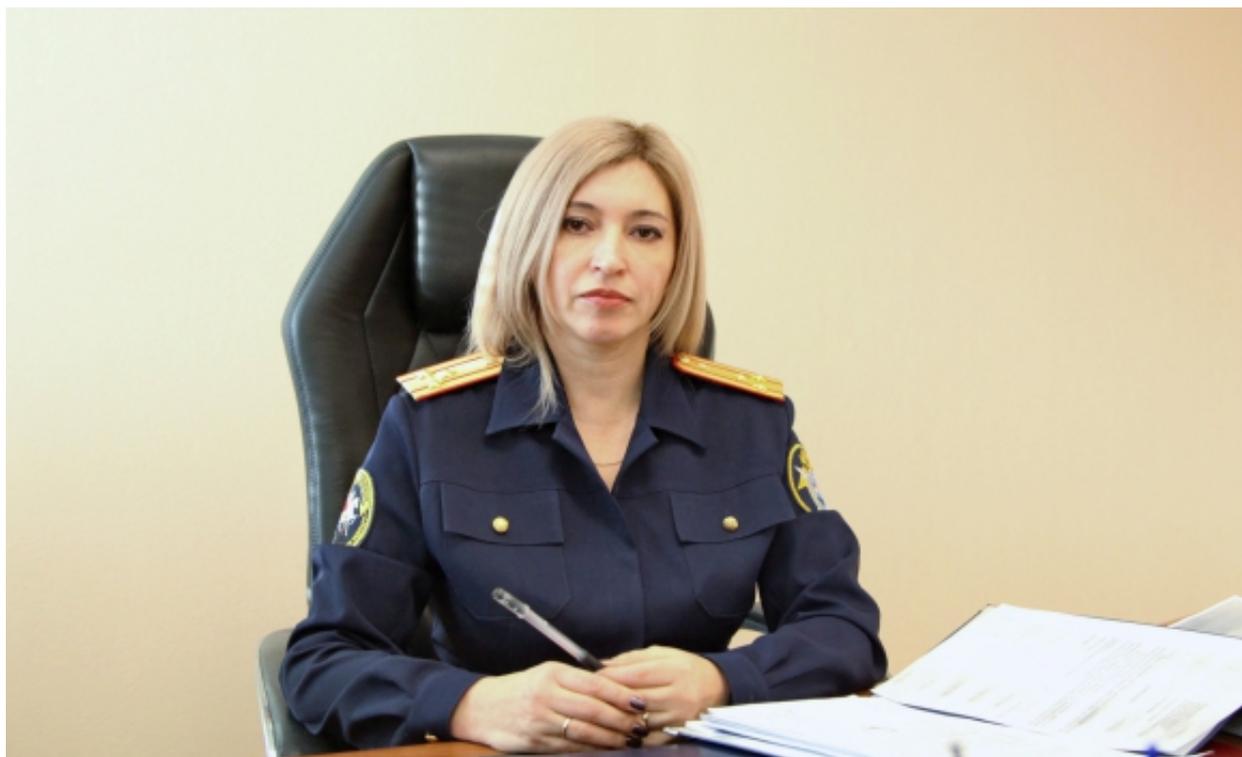

Александра Просина: «Еще ни разу в жизни я не пожалела, что работаю следователем»

«Мне никогда не нужна была явка с повинной»

Профессия следователя не из легких. Нужно обладать очень крепкой психикой, чтобы выдерживать те нагрузки, с которыми приходится постоянно сталкиваться. Плюс ненормированный рабочий день, когда уходишь на работу утром и не знаешь, вернешься домой вечером или через несколько суток.

Если у мужчин, как правило, в этом случае есть надежный тыл – их супруги, то как быть женщинам? Еще сложнее, если ты женщина – руководитель и, ко всему прочему, на тебе еще лежит ответственность за твой коллектив. Можно ли вообще успешно сочетать профессиональную деятельность в силовой структуре и семью?

Как оказалось, можно. Яркий пример этого – **полковник юстиции, руководитель Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Магаданской области Александра Просина**. В преддверии 8 Марта нам удалось встретиться с Александрой Викторовной и поговорить о том, как хрупкой женщине удается одновременно сочетать в себе роль требовательного и сурового руководителя и нежной и любящей жены и матери.

Вопрос – ответ

– Вы руководите Следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Магаданской области уже более полутора лет. А с чего начинали свою службу? Расскажите об основных этапах вашего профессионального становления.

– Я закончила Хабаровскую высшую школу МВД России. Получила профессию юриста по специализации «следователь». Приехала по направлению из Хабаровска в Биробиджан, и там работала в УМВД России по Еврейской автономной области.

А потом работала в нескольких следственных группах совместно со следователями прокуратуры по различным делам о бандитизме, совершении экономических преступлений. Так получилось, что нужен был следователь, разбирающийся в экономике. Вот так я попала в прокуратуру, где работала следователем по особо важным делам. В 2007 году Следственный комитет выделили в отдельную структуру и автоматически всех следователей перевели в эту новую службу, и я продолжала расследовать уголовные дела.

В 2014 году приехала в Магадан. Я стояла в федеральном кадровом резерве и сюда была назначена на должность в качестве первого заместителя руководителя Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Магаданской области.

– Почему все-таки выбрали именно эту структуру? Может быть, с детства мечтали об этом?

– Я вообще всегда была серьезной не по годам. Меня не интересовали вопросы устройства личной жизни, замужества. Я очень хотела учиться. Для этого хотела уехать в Санкт-Петербург, но меня не отпустили родители... Потом мне рассказали, что и в Хабаровске есть интересный вуз, где можно получить высшее юридическое образование. А после этого работать кем угодно – адвокатом, юристом на любом предприятии, в прокуратуре, следователем... В то время, это был 1993 год, когда я закончила школу, людей с юридическим образованием было мало, дорога была открыта везде. Если бы не понравилось работать следователем, можно было найти себе применение в любой другой сфере, где требовалось юридическое образование, и работать там, где было бы по душе. Но я так и осталась следователем, никуда не ушла...

– Как родители отнеслись к Вашему выбору?

– Моя мама знала об этой работе не понаслышке. Она была инспектором по делам несовершеннолетних. Мама, конечно, не возражала, но ее больше устраивало, что у меня будет высшее юридическое образование. В душе, я думаю, она, наверное, не хотела, чтобы я работала в правоохранительных органах и подобных структурах. Потому что она на себе испытала все сложности этой работы.

Мне, конечно, было очень интересно у мамы на работе, когда я к ней приходила, но о том, что я буду работать в милиции, я не мечтала. У меня были совершенно другие планы, мне нужно было получить высшее образование, причем высшее юридическое, а дальше уже работать, где – было не важно. Главное, хорошо выполнять свою работу.

– Сейчас уже Вы сами – мама троих детей. Вы хотели бы, чтобы Ваши дети пошли по вашим стопам? Если они придут к Вам и скажут: «Мама, мы хотим, как ты», Вы будете сопротивляться?

– У меня две дочери и сын. Я не хочу этого, но где-то глубоко в душе я, наверное, не возражаю. Конечно, этот путь сложный, для девочек особенно. Но он учит очень многому. И я не буду переживать за своих детей, если они все-таки окажутся в правоохранительной системе.

Первый ребенок все тяготы этой службы особенно хорошо на себе испытал. Где только она не находилась, пока я была загружена работой – в дежурной части, у соседей. И из садика кто только ее не забирал... Папа (он тоже работал в Следственном комитете) в это время был на происшествии каком-нибудь. Так что об этой профессии дочь все знает, у нее иллюзий нет.

– А сейчас у них есть такие мечты: «Мама, мы хотим, как ты»?

– Их желания меняются. Средняя дочь мне говорила еще года 4 назад, что хочет стать патологоанатомом. Я была не против, так как это все равно медицинское образование, и мы все были рады, потому что мои родственники по мужу – врачи. Недавно она мне сказала: «Нет, я не хочу быть врачом, я хочу быть как мама». Я сказала только: «Здравствуйте!». Больше я ничего сказать не смогла.

– Как Вы относитесь к мнению, что следователь – профессия не для женщин? И вообще, существует ли разница в работе следователя-мужчины и следователя-женщины?

– Профессия следователя не принадлежит к какому-то определенному либо женскому, либо мужскому роду. Мне кажется, нет никакой разницы в том, кто работает, главное – любить свою профессию.

Поэтому даже неважно, откуда вы пришли работать следователем. Вы – журналист, нотариус, педагог... Когда я пришла работать после института, попала в такой коллектив, где работали все без юридического образования, но с каким-то другим высшим. Это были педагоги, инженеры, военные, архитекторы. У всех были совершенно разные специальности, но их привели в эту сферу любовь и интерес к профессии следователя.

Поэтому говорить о том, что женщины или мужчины работают лучше – нельзя. Так в жизни сложилось, что у меня в отделе очень долгое время были одни мужчины. А у моего мужа такой же профессии и такой же должности – одни девушки. Идеально работали и те и другие. Потом получилось, что и ко мне пришли женщины. Я нормально отношусь к женщинам-следователям, если они действительно любят эту работу. Если пришла, чтобы выйти замуж, – отношение, конечно, уже другое.

Поэтому мужчина или женщина работает следователем – не важно. Здесь другой принцип. Девушки в основном более усидчивые, более ответственные. Если у них нет этих качеств, то, конечно, они проигрывают. Может быть, для них основная задача – семья. Совместить и семью, и работу очень сложно.

– У Вас как-то делятся дела между мужчинами и женщинами?

– У нас есть график дежурств, и поэтому никогда не знаешь, что тебе достанется – либо это будет насилие над ребенком, либо убийство, либо пожар или экономическое преступление...

Вопрос в расследовании уголовных дел. Какое кому лучше подойдет, ты уже как руководитель определяешь с опытом их работы. Кто у тебя усидчивее – тому экономика, где много бумажной работы – подойдет педантичный человек... Если кто-то особенно хорошо находит контакт с людьми, тех лучше направить на преступления против личности...

– А кого направить на изнасилование? Лучше, наверное, все-таки девушек?

– Смотря, кто жертва – мальчик или девочка... Если мальчик – потерпевший, то молодого человека, если девочка – то девушку. Это уже в ходе расследования мы рассматриваем.

Есть специализация, кому дать дело, где совсем маленькие дети, кому, где постарше. Все это зависит от опыта и от происшествия. Опять же, возвращаясь к предыдущему вопросу, скажу, что у нас в целом нет такого деления – мужчины, женщины, у нас все – следователи.

– А был ли такой момент, когда Вы пожалели о том, что пришли в эту профессию?

– Нет, но я видела таких людей, даже рядом работающих. Вокруг многие перегорают.

– А временные моменты такого «перегорания» были?

– Нет, потому что мне всегда было интересно на этой работе. Нигде мне не надоело – ни когда я работала в МВД следователем, ни в прокуратуре, ни в Следственном комитете. Все время где-то что-то происходило. Никогда не было такого, что я уставала от работы. Постепенно дела становились все сложнее и сложнее. И это вызывало только интерес и азарт.

Были коллеги, которые говорили, что им все надоело, писали заявление и уходили. У меня не было времени, чтобы даже так подумать, так много было нагрузки, столько было дел интересных. Еще ни разу в жизни я не пожалела, что работаю следователем.

– При такой занятости как Вы отдыхаете? Я имею в виду именно эмоциональную разгрузку.

– Каждому, кто работает в управлении, я говорю: «Постарайтесь найти то, что вас расслабляет». Я видела разные коллективы, разные способы расслабиться и скажу, что так называемые вредные привычки не являются расслаблением. Своим сотрудникам я предлагаю массу вариантов: съездить на рыбалку, пойти на лыжи, поиграть в теннис, сходить в спортзал, на концерт, почитать книгу, пройтись по магазинам...

Я тоже долго искала, что меня расслабляет, стрельбой занималась, активным отдыхом, не помогало. Пока у меня не появилось очень серьезное, тяжелое дело. Такое, что пришлось буквально «сидеть» в тюрьме 7 месяцев вместе с обвиняемым. Каждый день я ходила туда, как на работу, сидела с ним, знакомила его с делом. Дело было сложное, преступления в сфере экономики, взятки, мошенничество и другие составы. Главный фигурант – личность тяжелая, характер – еще хуже.

И в один прекрасный день почувствовала, что я – человек спокойный, рациональный, разумный, что-то подустала. Был выходной, мы поехали на машине к родителям. И я просто смотрела на природу. Я приехала совершенно свежая. Я нашла то, что меня расслабляет, – еду по дороге, смотрю на красивую природу, подпитываюсь эмоционально. Я нашла свое.

Второй момент, который меня расслабляет, – дети. Ты приходишь домой, и ребенок тебя отвлекает от всех посторонних мыслей. Посидишь с ним, поиграешь, и уже чувствуешь себя совсем по-другому.

Помимо того что я на природу люблю ездить, в моей жизни есть спорт – люблю волейбол, настольный теннис, лыжи... В Магадане я научилась кататься на горных лыжах. Я как руководитель заставляю и коллег заниматься спортом, потому как у нас «сидячая работа». Спортивные занятия у сотрудников управления всегда запланированы и, если нет арестов, задержаний, неотложных следственных действий, то нужно обязательно встать и пойти на спорт.

– Как Вы как руководитель, работающий в непростой структуре, совмещаете это с

ролью матери? Как Вам это удается?

– Сделать это очень сложно. Я и раньше в выходные работала и сейчас приходится. Невозможно вместить все дела в рабочий график. В настоящее время стараюсь позволить себе провести выходные дома, с детьми.

– А какие качества больше всего цените в коллегах?

– Наверное, в первую очередь ответственность. Человек сказал: «сделаю» – значит взял и сделал. У меня такой принцип. Вот это чувство ответственности мне много где мешало, но и много где помогало. Да, ответственность и трудолюбие. Человек, который видит цель и умеет ее достичь, будет у меня в приоритете.

– Как Вы относитесь к журналистам? Считаете ли Вы их помехой в работе или наоборот своими помощниками? Как вы взаимодействуете?

– Расскажу на конкретном примере. У меня было очень сложное громкое дело, когда я расследовала дело в отношении сотрудников полиции в Еврейской автономной области. И тогда мне помогли журналисты. Приехал коллектив программы «Честный детектив», их журналисты разговаривали с обвиняемыми, со свидетелями... Они набрали материал, который я потом использовала в доказывании.

У меня не было негативного опыта работы со СМИ. Я отношусь к ним положительно, потому что журналисты зачастую проводят свое расследование, им люди, возможно, больше откроются и расскажут. Также хорошо отношусь собственно ко всем, кто помогает в расследовании...

– Бывает, что журналисты мешают в расследовании?

– Бывает, когда переигрывают с подачей материала. Нагнетают обстановку, создают ненужный ажиотаж. Но следователь должен сработать профессионально. Ты можешь этот процесс направить в правильное русло, например, через какую-нибудь пресс-конференцию. Собрать брифинг и рассказать всем, как на самом деле все было. Чтобы не было паники, которую рожают разные слухи, домыслы. Нужно просто дать людям правильную достоверную информацию. Так решается эта проблема.

В журналистах я вижу помощь еще и в том плане, что мы достаточно много выявляем преступлений именно из СМИ. Журналисты рассказывают о каком-то факте – кто-то где-то пожаловался. Мы занялись этой темой и виновного привлекли к ответственности.

– Вас не раздражает, что люди приходят к нам жаловаться, а не к вам напрямую?

– Нет, потому что, как правило, люди со своей бедой стучатся в разные двери. Где-то их слышат, где-то нет. Человек даже может и не знать о Следственном комитете. Еще не редки случаи, когда нас воспринимают, как прокуратуру. Я даже на место происшествия приезжаю, мне говорят – прокуратура приехала... Поэтому приходится разъяснять людям, чем занимается Следственный комитет. У нас основное направление деятельности – расследование уголовных дел, защита прав и свобод граждан от преступных посягательств. Однако помимо расследований, мы параллельно должны выявить причины и условия, которые способствуют совершению преступления. Даже если не будет уголовного дела, выявив данные обстоятельства, следователь должен написать представление или какую-то информацию, на которую те органы, которые должны этим заниматься, отреагируют.

– А Вы можете закончить фразу: спустя столько времени работы следователем я не перестаю удивляться...

– Я не перестаю удивляться глупости и жестокости людей. Потому что вроде все взрослые, все читают книги, смотрят телевизор... Должны понимать, что кара неизбежна. Даже если тебя сразу не найдут правоохранители, тебя совесть задушит. Она съедает человека изнутри. Такие факты в своей жизни видела очень много раз. Когда человек совершил преступление и спустя много лет говорит: «Приезжайте, я вам хочу рассказать, что убил человека».

С глупостью приходится очень часто встречаться. Не понимаешь, зачем человек это сделал, чем думал. Хорошо, когда это что-то простое, и у человека есть возможность выйти из этого, исправиться. В молодости человек совершает разные шалости, мелкие правонарушения, но с ним работают правоохранители, и он становится на нормальный путь и не совершает больше преступлений.

– В продолжение темы... Вы согласны с тем, что совершив преступление один раз, совершит и второй? То есть преступника не переделать, он все равно в тюрьму вернется.

– Я не могу так сказать. Конечно, рецидивная преступность есть. Но это не значит, что, отсидев один раз, человек уже не исправится. Очень много встречается людей, которые один раз были привлечены, и больше на этот скользкий путь не встают. Потому что понимают, что этот путь ни к чему хорошему не приведет. А бытовая преступность, которая связана с алкоголем, она была, есть и будет.

– А если говорить в целом, Магадан – криминальный город?

– Нет. Здесь можно спокойно гулять вечером. Я сама иногда пешком возвращаюсь домой с работы. По сравнению с другими, Магадан – тихий, спокойный город. Бывают, конечно, разные случаи, никто не застрахован... Но сказать, что Магадан – криминальный город, я не могу.

– А Вы планируете отсюда уезжать?

– Я назначена на должность указом Президента Российской Федерации. Поэтому, если назначат в другой регион – поеду. Когда я сюда приехала, меня предупредили, что здесь очень сложная ситуация – Магаданская область была в числе отстающих, именно по работе Следственного комитета. Было очень много негатива, меня сюда отправили исправлять ситуацию, что и было сделано. Скажут, «поднимать» еще какой-нибудь сложный регион, конечно, я поеду.

– Вы столько лет служите в этой сфере, а есть то, к чему Вы до сих пор не можете привыкнуть? Или у Вас уже есть панцирь, который не пробить?

– У меня нет такого панциря. Если ты ко всему привыкнешь, у тебя начнется профессиональная деформация... Конечно, как человек, а я еще и как мама, очень тяжело воспринимаю преступления против детей.

Хотя это наша обычная работа, все равно, каждый раз преступления против детей – это тяжело морально. Не только девушкам, матерям. Даже мужчинам тяжело. Был случай, один наш следователь занимался делами о педофилии и убийствах несовершеннолетних. Он расследовал эти дела на протяжении года. Как-то он пришел и сказал: «Я больше не могу их видеть, дайте мне другие дела». Он устал от этих фотографий убийств детей, девочек молодых... Он просто попросил дать ему моральную передышку, поручив дела другой категории.

Да, я думаю, что любому следователю видеть жертв- детей по тяжким преступлениям очень сложно.

– Говоря о детях и отношении к ним... Следственное управление шефствует над двумя детскими домами, а также Домом-интернатом «Ветераны Колымы». Зачем вам это нужно?

– Председатель Следственного комитета России А. И. Бастрыкин уделяет большое внимание шефской деятельности, нацеливает всех сотрудников не проходить мимо беды, помогать людям в решении их проблем, заниматься вопросами, которые на первый взгляд и не относятся к компетенции СК России. Для детей-сирот создаются кадетские классы, выделяются места в образовательных учреждениях системы Следственного комитета. Это дает шанс ребятам получить хорошее образование, в дальнейшем трудоустроиться, приносить пользу обществу и государству. Но это с одной стороны.

С другой, мы же уже говорили, что следователю нужна разрядка. Благодаря этому удастся избежать профессиональной деформации, когда важные человеческие чувства, в первую очередь сострадание, атрофируются. Когда ты видишь деток, которые многим обделены, у тебя слезы стоят в глазах, ком в горле. Бывает, приезжаешь к ним на праздник и ничего не

можешь сказать – настолько сильно это берет тебя за душу. Ты едешь в детский дом, чтобы не отрываться от реальной жизни, не деформироваться. Если честно, очень сложно выразить этот мотив.

А к ветеранам ездим, потому что, к сожалению, у них нет очень важного – общения с близкими родными людьми. Это же пожилые люди, они не должны быть обделены вниманием. Мы еще так делаем – привозим детей из нашего подшефного детского дома к ветеранам. У детей появляются настоящие бабушки и дедушки, у ветеранов – внуки. Самое главное, что они перестают быть одинокими.

Стараемся и другую посильную помощь оказывать – снег почистить, собрать и привезти книги, организовать совместное чаепитие, небольшой концерт, с подшефными ребятишками в футбол поиграть.

Мои сотрудники, которые туда приезжают, начинают задумываться и о своей жизни. Например, наши девушки свозили бабушек-ветеранов в театр, и рассказывали, как те с удовольствием посмотрели спектакль, радовались поездке в город. Но, кроме этого, следователи сказали, что задумались сами о том, как это тяжело – остаться в пожилом возрасте без поддержки семьи.

Вот этим и возвращаешь людей к реальной жизни, чтобы они не теряли чувство сострадания.

– Кто из ныне живущих мужчин или женщин политиков Вам импонирует?

– Наверное, больше всего мне близок Владимир Владимирович Путин. У меня недавно дочь 11 лет спросила: «Мама, а у тебя есть краш»? Я спрашиваю, а что это такое? Она говорит: «Это идеал, он тебе близок, но ты с ним не знакома, но он тебе очень нравится...».

Говорю, конечно, есть – Владимир Владимирович Путин. Почему? Мне импонируют политика и руководство Владимира Путина. Как им ставятся задачи, как они выполняются, мне это видно. Я вижу его действия, решения, и мне это понятно, рационально, объяснимо и поэтому близко.

– Давайте перейдем к острым вопросам, так сказать, вопросам из толпы... Тем более, что Вы уже говорили, как важно развенчивать слухи и домыслы. Бытует мнение, что за раскрытие громкого дела следователи получают бонусы – премии, внеочередные звания и т. д. Так ли это?

– Чтобы получить внеочередное звание, нужно столько всего пройти, просто так ты его не получишь. Мы получаем звания по сроку службы. Если звание досрочно, то оно присваивается только Председателем Следственного комитета России, только за особые заслуги.

Раньше, я помню, обвиняемые писали в жалобах – «им обещали за раскрытие моего уголовного дела звезду на погоны». Меня всегда это веселило. Преступления раскрываются по всей стране в большом количестве. Если за каждое награждать, то никаких звезд, медалей и премий не хватит. Раскрытие и расследование преступлений – наша работа, нам за это платят зарплату.

– Бытует мнение, что главное при расследовании уголовного дела – добиться признательных показаний от обвиняемого. Так ли это?

– Мне никогда не нужна была явка с повинной. Когда мне говорили: «Хочешь, явку напишу» – я отвечала: «И так докажу, что Вы совершили это преступление».

Просто, когда адвокат вступает в дело, он советует написать явку с повинной, потому что это автоматически снижает наказание. И иногда бывает, что мы обратное доказываем, что это не явка с повинной. Мы преступника поймали, раскрыли это дело, а явку ему адвокат посоветовал, чтобы смягчить наказание.

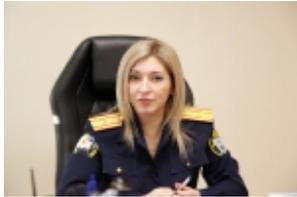
Поэтому нет такого, что нам обязательно нужно добиться признательных показаний. Очень много дел направляется нами в суд, когда обвиняемые не признают свою вину и вообще не дают никаких показаний. Наша задача – расследование. Признаваться или не признаваться – это дело обвиняемого. Мы должны провести качественное расследование, добыть объективные доказательства вины и направить уголовное дело в суд, который постановит справедливый приговор.

– В заключение, что бы Вы хотели пожелать своим коллегам – представительницам прекрасного пола в честь 8 Марта?

– Своим сотрудникам, всем женщинам в погонах, конечно же, желаю здоровья – самое главное, благополучия в семьях, терпения вторым половинам, чтобы не болели дети, родные и близкие люди. Удачи вам во всех направлениях!

Авторы: Наталья Мифтахутдинова, Елена Кухтина

Изображения

13 Марта 2020

Адрес страницы: <https://magadan.sledcom.ru/news/item/1448132>